

СВЯТОЙ СО СТАЛИНСКОЙ МИЛОСТЬЮ

Валерий ЧУМАКОВ

■ 25 лет назад Русская православная церковь прославила в лике Святых архиепископа Крымского и Севастопольского Луку (Войно-Ясенецкого).

ЯВНОЕ И ТАЙНОЕ

В 1921 году уже известный хирург, доктор медицинских наук, профессор Валентин Феликсович Ясенецкий-Войно стал священником. Позже он как священнослужитель под именем Лука будет пострижен в монашество, станет архиепископом, а как ученый - получит в 1946 году Сталинскую премию первой степени «За научную разработку новых хирургических методов лечения».

Я не ошибся в написании фамилии, древний белорусский шляхетский род, из которого происходил архиепископ Лука, звался Ясенецкие-Войно. Нам неизвестно, почему в 1929 году Валентин Феликсович поменял очередность в своей двойной фамилии. О причинах этого поступка он не пожелал рассказать даже в своих воспоминаниях в 1958 году.

С другой стороны, это не единственный момент, о котором он не стал вспоминать. К счастью, многое мы знаем по рассказам его друзей, родственников, прихожан, людей, которым посчастливилось общаться с «ученым попом».

«НЕ КРЕСТИТИ, А БЛАГОВЕСТИТИ»

Валентин Феликсович обладал величайшим хирургическим даром и исключительной твердостью руки. Его сын рассказывал, что отец в 1910-е годы часто показывал фокус. Он брал пачку листов бумаги и просил кого-нибудь из детей назвать любую цифру. После чего острым скальпелем прорезал в пачке именно столько листов, сколько загадали дети.

Своей веры Валентин Феликсович не скрывал никогда - ни в гимназии, ни в пору студенчества, ни будучи уже известным ученым. Священнический сан он принял в 1921 году в Ташкенте, где занимал пост главного хирурга Ташкентской городской больницы и одновременно руководил кафедрой оперативной хирургии Туркестанского государственного университета.

Возглавлявшему тогда Ташкентскую епархию владыке Иннокентию нужны были союзники в борьбе с «обновленцами». Валентин Феликсович, успешно громивший «живоносную церковь» на



приходских встречах, подходил на эту роль как нельзя лучше. После очередного церковного собрания владыка сам предложил профессору:

- Доктор, вам надо быть священником!

- Владыко, я об этом думал, но я же хирург. А священник не может проливать кровь. Да и в храме я служить не всегда могу, операцию ведь не перенесешь.

Валентин Феликсович, чей лик сейчас изображается на иконах, - пример служения профессии и убеждениям. Причем как верующим людям, так и атеистам.

- То кровь врачевания, а врач - профессия, вам от Бога данная. Я вас благословлю на пролитие крови при операциях во благое дело. Что же до времени, так вам требы не творить. Как апостол Павел сказал: «Ваше дело не крестити, а благовестити». Вы Богу послужите своими проповедями.

Спустя неделю профессора Ясенецкого-Войно посветили в чтеца, певца и иподиакона, еще через несколько дней - в диакона, а в феврале - в иерея. Он был поставлен четвертым священником кафедрального собора с обязанностью чтения воскресной проповеди. Через два года Валентина Феликсовича тайно постригли в монахи под именем апостола-целителя Луки, после чего рукоположили в сан епископа Ташкентского.

Уже на следующий день профессор пришел в университет на лекцию в рясе и с наперсным крестом на груди. Почти все студенты и преподаватели встретили такое облачение профессора как вражеский выпад. Одна из его любимых учениц заявила:

- Я неверующая, и что бы вы там ни выдумывали, буду называть вас только по имени-отчеству. Никакого отца Валентина для меня не существует.

В ответ профессор лишь снисходительно улыбался.

РЕЗАТЬ БЫЛЬ ВО СПАСЕНИЕ

■ Эта история - одна из самых известных об архиепископе Луке, но ее часто рассказывают в безобразно искаженном виде.

Ташкентскую ВЧК возглавлял один из самых жестких большевиков латыш Яков Петерс. Для укрепления власти ему нужна была «маленькая победоносная война». Повод нашелся: в клинике профессора Ситковского у раненых красноармейцев под повязками обнаружены личинки насекомых. Врачей арестовали, обвинив во «вредительстве», «контрреволюции» и «потворстве белым». Петерс решил устроить показательный процесс, выступив общественным обвинителем.

На суд в качестве эксперта вызвали авторитетного хирурга Валентина Ясенецкого-Войно. Он явился в священническом облачении, чем сразу вызвал раздражение Петерса, мечтавшего расправиться с «гнилой интеллигенцией», и с «поповщиной». Первый вопрос был резким:

- Поп и профессор, кого считаете вы виновным в безобразиях в клинике?

- Если речь о пьянстве, драках и прочем среди красноармейцев, то десяток врачей не справится с сотнями буйных пациентов. В моей клинике тот же беспорядок, так что арестуйте и меня.

Зал разразился смехом и аплодисментами, причем не только врачи хлопали смело-му священнику. Петерс продолжил:

- В вашей клинике в ранах красноармейцев тоже черви?

- Не черви, а личинки мух. Они благотворно влияют на заживление ран. Английские медики даже используют их как стимуляторы этого процесса.

- Откуда вы это знаете? - не унимался Петерс.

- Я окончил не фельдшерскую школу, а медицинский факультет Университета Святого Владимира в Киеве, - с достоинством ответил хирург.

Чекист начал терять самообладание:

- Как это вы ночью молитесь, а днем людей режете?

- Я режу для их спасения. А во имя чего режете людей вы?

Петерс, пытаясь спасти лицо, задал последний вопрос, который позже приписали Сталину:

- Как вы верите в Бога? Разве вы его видели?

- Бога я действительно не видел. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести тоже не находил.

Судьи, планировавшие расстрел, дали врачам по шестнадцать лет, а через месяц всех выпустили.

■ Войно-Ясенецкий перед каждой операцией молился перед иконой.

А еще крестил ассистентов и больного, рисуя йодом крест на месте разреза. Икону в операционной он повесил еще до принятия священства. Когда епископ уже отбыл первую из трех ссылок, комиссия потребовала убрать «предмет религиозного культа» из больницы.

После снятия иконы он не вышел на работу. На следующий день - тоже. Чтобы избежать ареста за «саботаж», расстрельную статью, его друг Моисей Слоним обра-

СТРАХ И БЕССТРАШЕ

тился к «начальнику по религиозной линии» митрополиту Ташкентскому Никандру. Тот велел позвать «бунтаря».

- Владыка, я перестал оперировать, но не из гордости, а из-за кощунства комиссара Гельфгота, велевшего вынести из больницы икону, - объяснил поступок Войно-Ясенецкий.

Митрополит вздохнул:

- Гордыня это, брат мой. Великий грех ты совершаешь. Господь наш Иисус Христос претерпел с кротостью и смирением еще не такие надругательства со стороны нечести-

вых. Не здоровый нуждается во враче, но больной. Благословляю тебя на подвиг смирения: иди и помогай страждущим, несмотря на хулу.

На следующий день Войно-Ясенецкий вернулся к операциям, словно забастовки и не было.

Иосиф Кассирский, известный советский терапевт, в 1944 году встретился в Москве с архиепископом Лукой, приехавшим на церковное совещание.

- Завидую вам, - улыбнулся священник-врач, - вы занимаетесь только медициной,

а у меня еще духовные дела. Предлагали избрание в Академию медицинских наук, но с условием оставить церковь. Не могу.

- Академия пошла бы навстречу, если бы вы приходили не в рясе, а в светском костюме. Церковь это не запрещает. Даже друг Сталина протоиерей Капаназде (они вместе с Джугашвили учились в семинарии. - Ред.) встречался с ним в гражданском.

- А сокурсник по семинарии сказал ему: «Бога не боишься, а меня боишься», - ответил Войно-Ясенецкий.

ПОДВИГ СМЕРЕНИЯ